

DANIEL BUNČIĆ, *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology*,
ed. by D. BUNČIĆ, S. L. LIPPERT, A. RABUS with contributions by A. ANTIPOVA,
C. BRANDT, E. KISLOVA, H. KLÖTER, A. VON LIEVEN, S. L. LIPPERT, H. PASCH,
A. RABUS, J. SPITZMÜLLER, C. WETH on behalf of the Heidelberg Academy
of Sciences and Humanities, the State Academy of Baden-Württemberg,
Universitätsverlag Winter, Heidelberg, 2016, 425 pp.

**Первый опыт
социолингвистической
типологии двуграфичных
ситуаций. О книге
Даниэля Бунчича и
других “Biscriptality:
A Sociolinguistic Typology”
(Heidelberg, 2016)**

**A First Attempt at
Sociolinguistic Typology
of Biscriptual Situations.
About Daniel Bunčić et
al.’s Book “Biscriptality:
A Sociolinguistic
Typology” (Heidelberg,
2016)**

Нина Борисовна Мечковская
Белорусский государственный
университет
Минск, Республика Беларусь

Nina B. Mechkovskaya
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

1. “Biscriptality” (‘двуграфичность’) и три ее разновидности в прошлом и настоящем

Заглавное понятие книги [BUNČIĆ 2016] Д. Бунчич определяет следующим образом: “Biscriptality” — это одновременное использование двух (или более) систем письма (включая различные орфографии) для (вариантов) одного и того же языка” (с. 54). “Biscriptality” выступает как родовой термин для трех разновидностей бинарности (дублетности, двоякости, двойственности) в сфере письма: во-первых, это двуалфавитность, т. е. одновременное использование двух или более графических систем инвариантных единиц письма (графем — буквенно-фонологических,

слоговых или логографических); во-вторых, "двуначертательность", или "двущрифтовость" (нем. *Zweischriftigkeit*) — одновременное использование двух (или более) систем начертательно-визуальных (почерковых и шрифтовых) вариантов графем (вариантов, хотя и не значимых фонологически, но с семиотическими коннотациями, которые для людей нередко важнее звучания, потому что выступают как опознавательные знаки вероисповедания, этничности или политической ориентации); в-третьих, "bilingualism" — это еще и одновременное использование двух (или более) орфографических систем ("двуорфографичность").

Переводу *bilingualism* словом *диграфия* мешает то, что в рецензируемой книге термины *digraphia* и *bigraphism* заняты: они обозначают типологические разновидности *bilingualism* (об этом ниже). Но и слово *двуписьменность*, как кажется, не подходит: в нем нет той отвлеченности, именно "признаковости", которые есть в англ. *bilingualism*. Окказионализм *двуписьменность приводил бы к мысли о двух письменно-литературных традициях, к правомерным ассоциациям с термином "двулитературность" у Н. И. Толстого (применительно к литературам на латыни и на народном языке, например, в Польше позднего Средневековья). Однако, чтобы не оставлять заглавное слово монографии без перевода, в качестве аналога к *bilingualism* буду далее употреблять окказионализм *двуграфичность* (а также прилагательное *двуграфичный*).

2. Методологические приоритеты книги: типология; синхрония в характеристиках двуграфичных ситуаций; социальная семиотика и прагматика письма

В ряду специальных книг по теории и истории письма (ср. [Дирингер 1948/1963; Гельб 1963/1982; Истрин 1965; Фридрих 1966/1979; Иванов Вяч. Вс. 2013]) и наиболее полных учебных пособий на русском языке (см. [Павленко ²1987; Федорова ²2015]) своеобразие монографии Д. Бунчица определяется следующими чертами.

Во-первых, в "Bilingualism" исследуются не преимущественно древние и экзотические письменности, как это обычно бывает в книгах по истории письма; в ней рассмотрены географически и хронологически разные ситуации сосуществования двух и более письменностей для одного языка. В отличие от тех систем письма, которые функционируют в своем языке относительно монополюсно, двуграфичные ситуации представляют собой феномен более проблемный, чреватый конкуренцией или конфликтом.

Во-вторых, книгу отличает приоритет синхронической социолингвистической типологии двуграфичных ситуаций над историей письменностей и хронологией появления исследуемых ситуаций. Социолингвистические факторы их сложения также представлены преимущественно в типологическом освещении.

В-третьих, в силу социолингвистической направленности исследования феномен письма понимается Д. Бунчицем и другими участниками проекта расширительно: это не столько парадигматика элементарных (базовых) единиц письма (графем, силлабем, логограмм) в их отношении к звучанию и/или к значению, сколько социопрагматика пар письменностей, создающих двуграфичность, с учетом их материально-языковой природы, визуального облика и статуса в социуме.

3. Композиция книги и базовая терминология

В монографии 6 разделов, включая Введение (1) и Заключение (6). В разделе 2 (“История теоретического изучения двуграфичности”) представлена литература вопроса; в разделе 3 (“Эвристическая модель для типологии”) обсуждаются вопросы методологии и терминологии исследования. Разделы 2 и 3, как и два заключительных раздела (5 и 6), написаны Даниэлем Бунчичем. В общей сложности это теоретическое обрамление типологического обзора-классификации двуграфичных ситуаций занимает около трети текстового объема книги (без учета объема аппарата издания). Основной объем (примерно 2/3 текста монографии) занимает раздел 4 — “Case studies”, в котором в систематизированном порядке показаны социолингвистические типы двуграфичности. Подразделы в составе “Case studies” написаны исследователями из разных стран, иногда также при участии Бунчича. Подробнее о разделе “Case studies” будет сказано ниже.

Аппарат издания включает список рисунков (128 изображений, в том числе построенные Бунчичем таблицы), информацию относительно места хранения оригиналов изображений, авторов и авторских прав на изображения; библиографию цитированных публикаций; три указателя: 1) языков, 2) систем письменностей, 3) фамилий и имен.

4. Принципы типологии двуграфичности у Бунчича

Свою “эвристическую модель” для описания ситуаций с двумя системами письма Д. Бунчич строит в двумерном пространстве, где роли своеобразных координат играют социолингвистическое и графематическое (графемное, орфографическое и начертательно-шрифтовое) представления.

4.1. В аспекте социолингвистики предлагается различать три рода соотношений сосуществующих систем письма: 1) “digraphia” — это ситуации, которые соответствуют понятию “привативной оппозиции”, т. е. при достаточной асимметрии между видами коммуникации, в которых используются сосуществующие системы письма; 2) “scriptal pluricentricity” — ситуации с эквиполентными взаимоотношениями между системами письма, что имеет место при диатопическом варьировании, а также в условиях полицентричности письменных норм, как, например, письмо хинди и урду в ареалах Индостана; латинское и кириллическое письмо в Боснии и Герцеговине; 3) диаситуативное варьирование (*diasituative variation*), которому соответствует понятие “bigraphism” — ситуации с нечетким характером противопоставления систем письма, что обычно связано с разнообразием факторов, обусловивших двуграфичность.

4.2. В графематическом аспекте Д. Бунчич различает три рода явлений: 1) варианты, принадлежащие графемике (т. е. системе графем (= графике), которая находится в тех или иных коррелятивных отношениях с фонологической системой языка); это варьирование обозначено в книге термином *script*; 2) начертательно-шрифтовые варианты (*glyphic variants*), появление которых обусловлено наличием разных типов почерков и шрифтов (унаследованные от Рима почерки западноевропейских скрипториев; готический и романский шрифты в немецком или чешском книгопечатании; церковнославянский и гражданский шрифт в русской печати); 3) варианты орфографии (*orthography*).

В каждом из трех родов двуграфичности, дифференцированных социолингвистически (оппозиции привативные, эквиполентные и диаситуативные), различаются по три вида ситуаций в зависимости от того, какие феномены письма характерны для каждой из систем — графико-фонологические, шрифтовые или орфографические. Сопряжение обоих параметров дает следующую таблицу, в которой имеется девять типов сосуществования систем письма (с. 67):

Табл. 1

	script	glyphic variant	orthography
privative (diaphasic/diastratic/ diamesic/medial)	[1.a] digraphia	[1.b] diglyphia	[1.c] diorthographia
equipollent (diatopic/ethnic/ confessional)	[2.a] scriptal pluricentricity	[2.b] glyphic pluricentricity	[2.c] orthographic pluricentricity
diasituative	[3.a] bigraphism	[3.b] biglyphism	[3.c] biorthographism

Понятно, что каждая клетка в таблице должна быть как-то обозначена, однако жизнеспособность предложенной в книге терминологии вызывает сомнение. Хотя основа *глиф*- (от греч. γλύφω 'вырезаю, выдалбливаю') давно "своя" в теории письма (*иероглиф* с дериватами), однако терминологические неологизмы Бунчи́ча (*diglyphia*, *biglyphism*) куда менее мотивированы, чем нем. *Zweischriftigkeit* 'двушрифтовость'. Внешние различия между суффиксами *-ia* и *-ism*, как и различия между греческим и латинским обликом корней со значением 'два' (*di-* и *bi-*), недостаточны (во всяком случае, для невовлеченного читателя), чтобы закрепить противопоставление отношений привативных (*digraphia*, *diglyphia*, *diorthographia*), с одной стороны, и отношений диаситуативных (*bigraphism*, *biglyphism*, *biorthographism*), с другой. Если бы соответствующие клетки таблицы имели цифровые и/или буквенные дестинкторы, то, как кажется, различать их было бы легче¹.

5. Диапазон "case studies": от иероглифики исчезнувших языков и двух орфографий новгородских грамот до конкуренции арабского и латинского письма в современной Африке

В соответствии с девятью матричными типами ситуаций двуграфичности, в "Case studies" девять подразделов, расположенных в направлении от привативных ситуаций (1.a; 1.b; 1.c), к эквиполентным (2.a; 2.b; 2.c) и далее к диаситуативным (3.a; 3.b; 3.c). Как сказано в предисловии к разделу, в его задачи не входил полный охват двуграфичных ситуаций, однако в каждом из девяти типов "кейсов" рассмотрено несколько конкретных примеров (в любом случае не меньше двух). В

¹ В этом можно убедиться, если для различения разрядов в 1-й и 3-й строках таблицы использовать в качестве ориентиров не термины, а буквенно-цифровые индексы (поставленные мною, в порядке эксперимента, в квадратных скобках слева от термина).

каждом типе обзор поименованных ситуаций двуграфичности заканчивается подразделом “Other cases”, написанным Д. Бунчичем, с краткой характеристикой ряда ситуаций, относящихся к данному типу, но не разобранных в книге подробно. Однако все упомянутые в исследовании системы письма отражены в специальном индексе, который приведет читателя к страницам о соответствующем письме и его конкуренте.

Ниже в таблице, в левом столбце, приведены английские термины Бунчича, называющие девять типов двуграфичных ситуаций; справа названы ситуации, представляющие данный тип; рядом в скобках указаны имена и фамилии авторов соответствующих подразделов.

Табл. 2

4.1. Digraphia	1) Средневековая Скандинавия: руническое письмо и латиница (D. Bunčić); 2) Раннесредневековая Ирландия: огамическое письмо и латиница (D. Bunčić); 3) Лувийский язык (2-я половина II тысячелетия до н. э.): лувийская иероглифика и хеттская клинопись (D. Bunčić); 4) Полица (Poljica, побережье Адриатики в Хорватии) до середины XVIII в. (D. Bunčić); Несколько дискуссионных кейсов, в том числе сосуществование китайской иероглифики и латинской транскрипции мандаринского китайского (путунхуа); гендерно мотивированная диграфия на чайных плантациях в Китае (D. Bunčić)
4.2. Diglyphia	1) церковнославянское и гражданское письмо в России (D. Bunčić, E. Kislova, A. Rabus); 2) мужские и женские почерки в японском (D. Bunčić)
4.3. Diorthographia	1) средневековый Новгород: стандартная и бытовая орфография (D. Bunčić); 2) Чехия XVI–XVIII вв.: конкуренция нескольких графико-орфографических систем (D. Bunčić)
4.4. Scriptal pluricentricity	1) хинди – урду, наиболее значительное различие между которыми состоит в разных системах письма: деванагари, восходящее к письму санскрита, vs. персидско-арабское письмо (C. Brandt); 2) католический (латинский) и православный (русский гражданский) алфавит в белорусском (A. Antipova, D. Bunčić); 3) хорватский (латинский) vs. сербский (кириллический) алфавит в Хорватии (D. Bunčić); сербский (кириллический) vs. хорватский (латинский) алфавит в Боснии и Герцеговине (D. Bunčić);

	<p>4) языки Мандинго (в составе нигеро-кордофанской макросемьи языков) в Западной Африке: варианты <i>Ajami literacy</i> (аджамское письмо — арабской графики для неарабских языков) и латинского алфавита (H. Pasch);</p> <p>5) позднее египетское письмо в царствование 26-й династии (VII в. до н. э.): сосуществование трех или даже четырех систем письма: иероглифики и ее двух скорописных модификаций: иератики и демотики (S. Lippert)</p>
4.5. Glyphic pluricentricity	<p>1) Босния XV–XVII вв.: православная, мусульманская и католическая кириллица (D. Bunčić);</p> <p>2) региональные варианты латинского письма в Западной и Центральной Европе в Средние века (D. Bunčić)</p>
4.6. Orthographic pluricentricity	<p>1) упрощенный и традиционный китайский (H. Klöter, D. Bunčić);</p> <p>2) боснийская, хорватская, черногорская и сербская орфография (D. Bunčić);</p> <p>3) английская орфографическая полицентричность (D. Bunčić);</p> <p>4) немецкая орфографическая полицентричность (D. Bunčić);</p> <p>5) советское и эмигрантское русское письмо (D. Bunčić);</p> <p>6) католический и протестантский верхнелужицкий (D. Bunčić);</p> <p>7) варшавская и краковская школы польской орфографии (D. Bunčić)</p>
4.7. Bigraphism	<p>1) кириллический и латинский алфавиты в сербскохорватском (D. Bunčić);</p> <p>2) кириллический и латинский алфавиты в миноритарном русинском (D. Bunčić, A. Rabus);</p> <p>3) аджам (письменность у ряда неарабских народов на основе арабского алфавита) и латинский алфавит в Африке (H. Pasch);</p> <p>4) глаголица и кириллица в церковнославянском (D. Bunčić, A. Rabus);</p> <p>5) иероглифическое, иератическое и демотическое письмо в Древнем Египте (A. V. Lieven & S Lippert)</p>
4.8. Biglyphism	<p>1) готический и романский почерки и шрифты в немецком (J. Spitzmüller, D. Bunčić);</p> <p>2) готический и романский шрифты в чешском (D. Bunčić);</p> <p>3) готика и романский шрифт в верхне- и нижнелужицкой печати (D. Bunčić)</p>
4.9. Biorthographism	<p>1) две орфографии в окситанском (провансальском) (C. Weth, D. Bunčić);</p> <p>2) две орфографии ("тарашкевіца" и "наркамаўка") в белорусском (D. Bunčić)</p>

Конечно, жаль, что ни в “case studies”, ни в “other cases” не оказалось хотя бы абзаца об украинских алфавитах и орфографиях. Между тем в Славии XIX–XX вв. история украинского письма едва ли не самая насыщенная орфографическими реформами, реализованными в грамматиках и словарях или в резонансных изданиях. Показательна география и хронология таких книг: Петербург (“Грамматика” Алексея Павловского, 1818; “Грамматка” Пантелеймона Кулиша, 1857), Москва (“Малороссийские песни” Мих. Максимовича, 1827, ²1834, ³1849), Львов (1830, 1842, 1886, 1893), Будапешт (грамматика Мих. Лучкая 1830; “Русалка Днѣстровая”, 1837), Киев (публикации Юго-Западного отдела Географического общества, начиная с 1873 г.; 1908; 1918–1919; 1920–1921; 1928–1929; 1933; 1946; 1990), Женева (Мих. Драгоманов, начиная с 1877 г.). В истории украинского письма известны шесть названий для особых систем кириллического письма: *гринчевківка*, *драгоманівка*, *желехівка*, *кулішівка*, *максимовичівка*, *ярижка*. В правобережной Украине, кроме кириллической графики, с начала XIV в. использовался латинский алфавит. От начала XVII в. до конца 1850-х гг. сохранилось по меньшей мере шесть реализованных печатно проектов латинизации украинского письма; ранний и широко известный опыт — это издания драм и интермедий галицийского ксендза Якуба Гаватовича (1598–1679). (см. [Кримський 1929; Огієнко 1949/2004; УКРАЇНСЬКИЙ ПРАВОПИС 1996; ТАРАНЕНКО 1997; ШЕВЕЛЬОВ 1998; ПІВТОРАК 2000А; ІДЕМ 2000Б]).

6. Распространенность двуграфичных ситуаций

В разделе “Case studies” представлено более 100 ситуаций двуграфичности. Много это или мало? Д. Бунчич пишет, что на самом деле двуграфичных ситуаций в мире множество, и в приведенный список включены в первую очередь наиболее заметные факты, “лежащие на поверхности реального множества подобных ситуаций” (с. 335).

Исследователям двуграфичных языков обычно казалось, что две системы письма для одного языка — это исключение, аномалия. В своих истоках такие представления связаны с не вполне отчетливо осознаваемым убеждением, что структура языка и его письмо соответствуют друг другу, образуя неразрывное единство. Подобно тому, как люди перестали видеть аномалию в двуязычии, пора, как призывает Д. Бунчич, признать нормальным в жизни языков явление двуграфичности. Одну из задач своего исследования он видит в том, чтобы показать естественность и распространенность двуграфичных ситуаций (с. 335); представленная в книге сотня “case studies”, если взглянуть с глобальной точки зрения, — это только “вершина айсберга” (с. 340–341).

7. Типология двуграфичности, обогащенная хронологией

В небольшом разделе “Диахронические наблюдения / результаты” (с. 321–333) Д. Бунчич демонстрирует эвристические возможности типологии двуграфичных ситуаций в ее диахронических проекциях — в ареалах конкретных языков, сербскохорватского и белорусского.

В результате письменная история сербскохорватского языка (5.1) предстает в четырех сопряженных измерениях: 1) география (Сербия, Босния, Хорватия);

2) хронология (до Кирилло-мефодиевской миссии и пять периодов после создания славянского письма); 3) алфавиты и шрифты ареала (греческий, латинский, глаголица, кириллица (в ее церковном и светском шрифтовых вариантах), арабское письмо); 4) термины типологии двуграфичности. Во все века сербскохорватское письмо было полицентрическим (исключая, впрочем, IX–X вв. — время монополии глаголицы); порою полицентризм перерастал в еще более сложную ситуацию, которую Бунчич называет "мультицентризмом". Итоговая таблица (рис. 125, с. 323), резюмируя многомерное диахроническое исследование, показывает напряженную историю сербскохорватского письма компактно и замечательно наглядно.

Что касается белорусского письма (5.2), то его история представлена у Д. Бунчича на рис. 126, с. 325 (см. Табл. 3).

Табл. 3

	До 1795	1795–1933		1933–1980	1980–2008	2008–
Языки	Ruthenian (рутенский) [белорусско-украинский; для его носителей "проста мова" — Н. М.] литературный язык	Билингвизм: белорусский язык; русский язык				
Орфография	Традиционная	Тарашкевица (после 1918)	Полицентризм: Нарк., Тар.	Две орфографии: наркамаўка, тарашкевіца		Наркамаўка
Графика	Кириллица, латинка	Полицентризм: кириллица, латинка		К и р и л л и ц а		

Белорусская ситуация до 1795 г. представлена Бунчичем как одноязычная, что сильно упрощает реальную картину². Более поздняя ситуация (после разделов Речи Посполитой) определяется Бунчичем как двуязычная (белорусско-русская), что также упрощает историю, поскольку не учитывается присутствие польского языка³.

² На этой и сопредельных территориях состав языков, имевших свою письменность и книгоиздание, был таким: 1) проста мова; 2) польский; 3) латынь; 4) церковнославянский; 5) древнееврейский и идиш; 6) литовский (книгопечатание началось в 1547 г., когда был издан Катехизис). В конце XVI в. и в XVII в. польский язык преобладал в публицистике и полемике православных, католиков и униатов, а также в общеобразовательной литературе. Характерно, что все книги религиозной публицистики Мелетия Смотрицкого (кроме надгробных проповедей) и большинство книг Иоанникия Галятовского написаны и напечатаны на польском языке.

³ Между тем по второй конституции БССР (1927) польский язык являлся одним из четырех государственных языков республики (наряду с белорусским, русским и идишем). Польский язык доминировал в образовании, костеле и местных органах власти на белорусских территориях, входивших в состав Польши (по Рижскому договору 1921 г.) до сентября 1939 г., когда по пакту Молотова-Риббентропа эти земли были включены в состав БССР.

Действительно, латинское письмо с начала XVI в. [Руденко 2015] бытовало в белорусской жизни — благодаря многовековому присутствию польского языка на белорусской этнической территории, а также благодаря традициям латинского образования. Это, конечно, отмечено в книге Д. Бунчича. В XVIII–XIX в. латиница преобладала как в частной переписке, в дневниках и мемуарных записках белорусской шляхты, так и в художественном творчестве. Латинским письмом был написан первый известный список белорусской бурлескной анонимной поэмы “Энеида навыварат” (1820-е гг.). Все стихотворные сборники Францишка Багушевича (1840–1900), наиболее значительного белорусского поэта XIX в., напечатаны латинским шрифтом. Есть свидетельства, что Багушевич хотел видеть свои книги исключительно в наборе латиницей [Любецкий 1918: 13]. Белорусское *свободолюбие* предпочитало латиницу, видя в ней не только приметку католического вероисповедания, но и вполне определенный знак культурно-политической ориентации пишущего — “западной” (“европейской”) и антиимперской.

Помещенная в резюмирующем диахроническом разделе книги Таблица 3 (рис. 126) может создать у читателя обедненное представление об истории двух белорусских алфавитов и двух кириллических орфографий — даже несмотря на раздел 4.9.2, в котором подробно изложены все события. Глядя в таблицу, читатель может подумать, что с введением *наркамаўкі* (1933) белорусское письмо латиницей прекратилось. Действительно, в БССР до конца 1980-х гг. (до начала Перестройки) письмо и печать были только кириллическими, орфография — только в ее “наркомовской” версии, при этом из школьных учебников белорусского языка ушло упоминание о латинице как о второй версии белорусского письма. Однако на западнобелорусских территориях и в Вильнюсе белорусы продолжали использовать и кириллическую тарашкевицу, и латинскую графику, в том числе в печати и книгоиздании. Конец тарашкевицы Бунчич датирует 2008 г., когда государство ввело новые правила орфографии. Слегка измененная *наркамаўка* (с несколько выросшим весом фонетических написаний) была объявлена обязательной для всего белорусскоязычного книгоиздания и печати, государственных и негосударственных.

Таким образом, в период нахождения белорусских земель в составе Российской империи, а также в межвоенное (1917–1939 гг.) и послевоенное время, белорусская ситуация была не двуязычной (как указано в таблице Бунчича), а многоязычной (три славянских языка) и двуалфавитной — с продолжительным сосуществованием кириллической и латинской графики (до 1939 г.) и двух орфографических норм кириллической орфографии — *наркамаўкі* и *тарашкевіцы* (до 2008 г.).

8. О “приписанных” семиотических значимостях

В диахронической главе книги Д. Бунчича есть небольшой раздел (5.3), названный “Semiotic values ascribed to writing systems” (‘Семиотические значимости, приписанные системам письма’). Речь идет о том, как ангажированные идеологи разных политических сил приписывали тем или иным конкретным системам письма некоторую особую семиотическую значимость и широко пропагандировали нужные ассоциации, тем внедряя и укрепляя их в своем социуме. Какие-то члены социума вслед за идеологами также усматривали (или начинали усматривать)

в данном письме пропагандируемую значимость. Однако позже прежние или новые идеологи переставали находить эту значимость или находили другую, и снова кто-то принимал навязанные ассоциации, но потом оказывалось, что принимал не навсегда и т. д. Из нескольких примеров Бунчича приведу два.

1) В Советском Союзе, где реформа графики 1917 г. освободила алфавит от лишних букв и тем облегчила усвоение грамоты, реформированное письмо превозносилось как путь к массовой грамотности, а в дореформенном письме учили видеть "алфавит самодержавного гнета, миссионерской пропаганды и великорусского национал-шовинизма". Однако, когда в партийных верхах актуализировалась идея замены кириллицы латиницей, гражданский алфавит был объявлен "алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии", а латинский — "международной графической основой", пишет Бунчич, цитируя тезисы Н. Ф. Яковлева 1930 г. (с. 326).

2) В Германии нацисты стремились изменить отношение к готическому шрифту, который прежде трактовался в обществе вполне позитивно, как один из традиционных немецких шрифтов. Нацисты назвали этот шрифт "швабахские еврейские буквы", хотя в этих словах не было ни грана исторической правды: немецкие евреи не владели типографиями. Романский шрифт предлагалось называть "нормальным".

Как показал еще Оруэлл, в тоталитарных государствах мгновенная смена оценок и лозунгов на прямо противоположные — обычная вещь. Однако в феномене "семиотических ценностей, приписанных фактам письма", есть, на мой взгляд, более интересный аспект, чем навязывание идеологических штампов гражданам (в таком случае вполне можно сомневаться, насколько искренне они принимаются публикой). Интерес феномена в том, что "приписывание" фактам языка/речи тех или иных семиотических ценностей — это вообще обычный механизм формирования прагматических коннотаций (социально маркирующих, оценочных, стилистических).

Движущая сила приписывания фактам языка/речи тех или иных "семиотических значимостей" (ассоциаций) — это метаязыковая рефлексия говорящих, но не "государственных" идеологов, а определенных социальных групп, обычно профессионально связанных с языком, письмом, общением. Замечая особенности чужой речи и как-то осмысливая их, говорящие "находят", а фактически — п р и п и с ы в а ю т ту или иную семиотическую значимость тому, что показалось им особенным. Легче всего приписать ее тем лингвистическим явлениям, которые "сами по себе" ничего не значат — буквам и произношению. Если содержание (значение) слов и речей можно обсуждать, то непривычное ударение сразу вызывает протест, слушатель сразу как-то объясняет его себе ("это в его райцентре так говорят", "это он от шпаны перенял", "набралась на своих тусовках", "выпендривается" и т. п.). Такого рода объяснения непривычного в чужой речи (обычно метонимические ("откуда?") или телеологические ("зачем?")), возникающие у группы людей, могут распространиться еще шире и стать в той или иной мере узуальными. Таков механизм связи фонетических процессов и графико-орфографических инноваций с социальной стратификацией общества.

Семиотические значимости, которые метаязыковое сознание говорящих приписывает инновациям в письме или орфоэпии, могут быть довольно субъективными

и случайными, с неясной мотивированностью. Это отмечал М. В. Панов. Говоря о соотношении между историей русского произношения и человеческими оценками разных произносительных манер, он писал:

Социальные оценки произносительных фактов не всегда оказываются исторически верными. Например, не всё, что оценивается как примета “аристократически-претенциозного” произношения, или “мещански-жеманного”, “мещански-вульгарного” и т. д., действительно характеризовало речь только этих ограниченных социальных групп. Так, например, произношение [бокáл], [кос’т’úm] и проч., которое сейчас нередко квалифицируется как “аристократическое”, на самом деле никогда не являлось принадлежностью именно и только аристократического арго. Социальная характеристика зачастую была лишь средством, с помощью которого прокладывали путь внутренние фонетические закономерности [Панов 1968: 20].

Из всех лингвистических феноменов письмо, в силу его “рукотворности”, большей документированности (в сравнении с произношением) и кажущейся большей значимости (в сравнении с устной речью), подвергается оценке чаще и наиболее резко и пристрастно. У письма максимальный объем приписанных ему семиотических значимостей — религиозных, национальных, политических, моральных, эстетических.

Характеристики, приписываемые лексико-фразеологическим и грамматическим колебаниям, тоньше, разнообразнее — и при этом обычно более взвешены, чем оценки в полемике об орфографии.

9. Всегда ли легко отделить графику от орфографии?

Трудность, конечно, не в референтном разнообразии использования термина “система письма” (writing system) — в этом лингвист не запутается. Проблема в том, что триада “графика — орфография — шрифт” не является ни единой системой оппозиций (привативных, эквиполентных или градуальных), ни уровневой иерархией, ни явлениями с обязательными каузальными зависимостями. Между тем Д. Бунчич, видя в графике и орфографии “уровень знаков письма и уровень орфографических правил, стандартизирующих систему знаков” (с. 20), интерпретирует реформу русского письма 1917 г. (исключившую из алфавита несколько букв) как перемену в орфографии: “реформа 1917 г. [. . .] не изменила письма, которое продолжает быть кириллическим письмом, а новая орфография является частью новой русской системы письма, которая отличается от старой системы только орфографически” (с. 20). Спору нет: русское письмо на всем протяжении своей истории остается кириллическим, однако нельзя согласиться с тем, что различия между письмом до и после 1917 г. “только орфографические”. Орфография не представляет собой более высокого уровня в организации письма, чем графика: в русском письме большинство написаний (по разным данным, примерно 80%) детерминировано не орфографией, а графикой, т. е. алфавитом и правилами чтения букв и буквосочетаний в их регулярном отношении к системе фонем. Орфографические правила регулируют передачу фонемного облика слов и форм только в условиях нейтрализации фонемных различий и/или при наличии дублетных (“лишних”) букв (как, например, рус. Ъ); орфография решает также некоторые проблемы письма, не связанные со звучанием (употребление прописных букв, слитные и отдельные написания).

Изменения в графике ведут к принудительным изменениям в орфографии: например, исключение в рамках реформы 1917 г. из русского алфавита "лишних" букв автоматически исключило правила, регулирующие выбор написаний с *E* или *Ѣ*, *I* или *І* и т. д. Однако не все орфографические инновации 1917 г. были вызваны переменами в графике. Такова, в частности, норма, по которой приставки с финалью на согласный (кроме приставок, оканчивающихся на З/С) следует писать одинаково (т. е. фонематически, независимо от глухости или звонкости следующего согласного: *отпеть*, *отдать*), однако в написании приставок с финалью на З/С сохранялось дореформенное фонетическое написание, отражавшее ассимиляцию по глухости-звонкости: *воспеть*, но *воздать* [Виноградов 1965: 232].

Отношения между графикой и орфографией асимметричны: если изменения в графике всегда приводят к изменениям в правилах записи слов, то орфографические перемены не затрагивают графику. Таковы, в частности, правила русской орфографии 1956 г. [Правила 1956]: графика, закрепленная декретом 1917 г., оставалась без изменений и после 1956 г.

Что касается почерково-начертательных вариантов ("glyphic variants" в терминологии Д. Бунчича), то легко видеть, что изменения в почерках или шрифтах непосредственно не затрагивают графематику и орфографию, точно так же, как изменения в графематике и/или орфографии не касаются шрифтов. Это видно по дистрибуции книг готической и романской печати в XV–XIX вв. в Центральной Европе и по истории письма у русских. Реформа Петра I, направленная на секуляризацию и вестернизацию культуры и образования, меняла прежде всего визуальный облик гражданской печати, попутно модернизируя графику (исключалась часть лишних букв), что, в свою очередь, отражалось и на составе орфографических предписаний. Однако легко видеть, что из замены церковнославянского шрифта гражданским логически (или "автоматически") не следовал отказ от "лишних" букв (недаром некоторые из них — "фита", "ижица", "і (десятеричное)", "ер" в конце слов — сохранялись до реформы 1917 г.

В аспекте социолингвистики существенно, что в петровской реформе главное значение для секуляризации имели визуальные различия между церковным и гражданским шрифтом, близким к облику латинских шрифтов Возрождения. Иначе говоря, различие между старым (церковным) и новым (светским) письмом носило не лингвистический, но визуально-семиотический характер. Поэтому, кстати, термины триады Бунчича "script — glyphic variants — orthography" (образующих в классификации двуграфичности одну из систем координат (см. с. 64, 67 в книге и раздел 4.2 данного текста), было бы логичнее записывать в иной последовательности: "script — orthography — glyphic variants" или (лучше) "glyphic variants — script — orthography", чтобы не вклинивать между двумя лингвистическими сущностями визуально-семиотическую.

10. Не слишком ли абстрактна триада оппозиций (по генезису фонологическая) для социолингвистической типологии двуграфичности?

Богатейший фактический материал, и вербальный и визуальный, приведенный на страницах "Case studies", демонстрирует сложность и противоречивость явления двуграфичности — ту пестроту и запутанность, которые присущи всему, что связано

с “человеческим фактором”, — с субъективизмом людей, их пристрастностью и непоследовательностью.

Показательна в этом плане дистрибуция готического шрифта и фразатуры (всё это “черные/ломанные буквы”), с одной стороны, и романских шрифтов — с другой. В Германии XVI в. у протестантов романский шрифт ассоциировался с Римом, папизмом, католической пропагандой, а готический шрифт и фразатура (поздняя разновидность готики) воспринимались как шрифты “своей” церкви, противостоящей Риму. “Biblia Germanica” Лютера (Виттенберг, 1545) набрана готическим шрифтом, но в Апокалипсисе начальные буквы ряда слов (*Tod* ‘смерть’, *Helle* ‘ад’, *Todten* ‘мертвые’, *Der* ‘Он (подразумевается) проклятый’ и др.), особо значимых в полемике с папизмом, были напечатаны романским шрифтом. Этот “типографский символизм” (Spitzmüller, Bunčić) присутствует и в других прижизненных изданиях сочинений Лютера (с. 292–293). Однако в немецких землях при выборе шрифта фактор языка издания бывал более значим, чем конфессиональный фактор. На с. 291 можно видеть снимки титульных листов двух изданий 1544 г.: книга Лютера на латыни напечатана романским шрифтом, а католическое издание на немецком языке — готическим.

Неожиданное и непонятным образом мотивированное распределение готического и романского шрифтов встречается также в чешской, польской, лужицкой печати, в немецких изданиях XIX в. и времен Второй мировой войны. В XIX в. автор мог выбирать не собственно шрифт, но типографию, причем по мотивам, далеким от “шрифтовой идеологии” — например, в зависимости от финансовых условий издания. Типографии, в свою очередь, могли иметь разные комплекты шрифтов, которые могли быть в разной мере доступными в конкретное время для набора конкретной книги. Бунчич помещает (с. 301) факсимиле титульных листов двух пражских книг Вацлава Ганки: “Краткая история славянских народов” (1818) набрана готическим шрифтом, а сборник его переводов немецких поэм (“идиллий”) швейцарского сентименталиста Соломона Гесснера “*Gesnerowy idylly*” (1819) — романским. Можно ли предположить, что готика отвечала почвенническому и славянофильскому духу “Истории” и не ассоциировалась с германским влиянием (с точки зрения “будителей”, нежелательным)?

А как объяснить распределение шрифтов на первой полосе лужицкого издания для крестьян “*Serbski Hospodar*” (w Budyšinje, 1881): название и подзаголовок, выходные данные, фамилия редактора, цена, девиз (*motto*) набраны романским шрифтом, а статья, напечатанная на той же полосе, но ниже, — готическим (с. 303). Ср. также на с. 296 факсимиле страниц из “Истории немецкого языка” Я. Гримма (Лейпциг, 1868) — романский шрифт; из “Немецкого языка” А. Шлейхера (Штутгарт, 1869) — готический шрифт; или на с. 297 две немецкие почтовые марки 1941 г.: в январе — готическая, в апреле — романская. Фактически контрастность готических и романских шрифтов с течением времени приглушается и переосмысливается. Во второй половине XX в. и особенно с распространением компьютеров гарнитуры шрифтов становятся всё более разнообразными, что влияет на их семиотику.

Аналогичная и вместе с тем самобытная картина сосуществования двух не шрифтов, но алфавитов представлена в разделе “Case studies” о кириллице и латинице в ареалах сербского языка (4.7.1). Латинский шрифт используется всё

шире, и чем спокойнее жизнь, тем более обычны становятся латинские буквы. Есть сербские газеты (выходящие, впрочем, за пределами Сербии), которые печатаются в двух версиях (см. на с. 239 снимки первых полос ежедневника "Вести" и "Vesti"). В сербской Википедии графика переключается одним кликом (с. 238). Нередко соседство двух азбук едва ли мотивировано: один такой случай (2008 г.) запечатлен в книге на рис. 77 и в цвете вынесен на обложку: угол дома в г. Нови-Сад (столица Воеводины) на пересечении двух улиц; хорошо видны стандартные таблички с названиями улиц; но одна надпись — в кириллице, другая — латиницей. Иногда латинская запись сопровождает кириллическую (что отчасти может объясняться заботой о туристах, не знакомых с кириллицей). Но чаще выбор графики кажется случайным — примерно как названия конечных пунктов в белградских автобусах 2008 г.: три из шести табличек на латинице, остальные — на кириллице (рис. 78).

Такие факты двуграфичности (сосуществование готического и романского шрифтов в разное время и в разных культурах; кириллица и латиница в сербском письме) Бунчич определил как "диаситуативные" (с. 60). В отличие от ситуаций привативных и эквиполентных, четко определяемых в теории оппозиций, для "диаситуативных" различий характерна размытость отношений и многофакторная и потому запутанная каузальность. Однако не исключено, что *все* социолингвистические противопоставления являются диаситуативными, а такая заметная и максимально волнующая людей сфера жизни языка, как письмо, — в первую очередь. Привативные и эквиполентные оппозиции реальны в фонологии, в известной мере — в грамматической семантике, редко и с оговорками — в лексике, а для социальной лингвистики (где не бывает "чистых" (мономерных) оппозиций) эти термины слишком абстрактны, чтобы сохранять свою эвристическую ценность.

На практике три социолингвистических типа двуграфичности, постулированные Д. Бунчичем и представленные в абстрактных терминах теории оппозиций, затеяют целый ряд типологически релевантных признаков, значимых для каждого из трех "родовых" групп феноменов, принадлежащих сфере письма (графико-фонологические, орфографические, шрифтовые). В отличие от грамматик, где определение (номинация) класса оппозиций в строении конкретной категории выявляет логику системы и предсказывает лингвистическое поведение противопоставленных членов, в типологии двуграфичности аналогичные указания малоинформативны. Неслучайно, что в подразделах "Case studies" характеристики конкретных ситуаций в терминах теории оппозиций оказываются едва ли нужными и присутствуют иногда разве что в названиях подразделов.

Более того, отнесение конкретных фактов двуграфичности к одному из трех классов социолингвистических оппозиций (что отражено в композиции книги) не представляется бесспорным (о чем в Заключении пишет и сам Д. Бунчич, с. 336–337). По-моему, любая ситуация двуграфичности при ближайшем рассмотрении оказывается сложнее, разнообразней, чем это предусмотрено в теории оппозиций. Есть веские основания для того, чтобы видеть в сосуществовании в России XVIII в. церковнославянского и русского шрифтов не привативную оппозицию (куда входит "case" 4.2.1 "Russian diaphasic diglyphia", авторы D. Bunčić, E. Kislova, A. Rabus), но эквиполентную, а может быть, и диаситуативную. В XXI в.

статус церковнославянского письма легко определить: маркированный и маргинальный. Однако в первые десятилетия после Петровской реформы маркированными были оба шрифта, каждый по-своему. Более того, противоборствующие тренды в соперничестве двух шрифтов (представленные в разделе 4.2.1) были вызваны борьбой больших социальных сил, внутренне также отнюдь не монолитных. Все эти обстоятельства (силы традиций и идеалы обновления, политические флюиды с разных сторон, материальные интересы типографов, словолитчиков, книготорговцев, личные амбиции людей, сама стихия жизни, истории, культуры) — всё это мешает вписать коллизию русской церковной и гражданской печати в рамки привативных оппозиций.

Бунчич предвидел упреки рецензентов и в отношении принципов типологической классификации двуграфичности, и еще в большей степени в самом распределении конкретных “case studies” по типологическим классам. Подобные вопросы к первому исследованию проблемы, причем сразу с глобальным охватом материала, вполне предсказуемы. Говоря о классификационных дилеммах, автор задает потенциальным критикам встречные вопросы (с. 336):

Проблема в данном случае — это вопрос, что делать с исключениями. Если большинство текстов распределяется в соответствии с принципом привативной оппозиции, но при этом несколько текстов его нарушают, надо ли видеть здесь доказательство диаситуативного варьирования? Или подобные тексты можно объяснять как индивидуальные случаи — но если да, то где проходит граница?

Есть, однако, и третий путь: задуматься, не слишком ли жестки и при этом абстрактны сами классы?

На мой взгляд, в социолингвистике письма более перспективна не типология, но характерология двуграфичности, построенная не в виде классификационной таблицы, но как многопризнаковое матричное (идентифицирующее) описание каждой отдельной исследуемой ситуации. Названия конкретных “case studies” вписываются в начало строк, названия (или номера) дифференциальных признаков (ДП) — в вершины столбцов, наличие или отсутствие (или частичное наличие) отдельного ДП для отдельного случая двуграфичности фиксируется на пересечении соответствующих строк и столбцов матрицы. Для каждой ситуации состав наличествующих ДП предстанет более или менее специфичным и логически хорошо сопоставимым с составом ДП в описании других ситуаций. Если различительные признаки (ДП), на основе которых проводится матричное описание, сформулировать в терминах именно социолингвистики (а не универсальной теории оппозиций), то перечень ДП для конкретного случая двуграфичности предстанет как сжатая социолингвистическая характеристика трех групп феноменов в области письма (шрифтов, графики и орфографии).

Приведу один из возможных наборов таких различительных признаков, релевантных для социолингвистической характерологии сдвигов в системах письма⁴:

---

⁴ В данном случае я опираюсь на свой доклад “Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социо семиотические аспекты”, представленный на Краковском

1. конфессиональная мотивированность позиции по отношению к письму:
  - 1.1. принятие (сближение с определенной конфессиональной традицией);
  - 1.2. сохранение (удержание) традиции; недопущение инноваций;
  - 1.3. элиминация двуграфичности (отдаление от прежней или актуальной традиции);
2. этно-национальные мотивы того или иного отношения к двуграфичности (в целях национальной консолидации социума):
  - 2.1. ориентация на престижные (в глазах ангажированной части социума) прежние автохтонные или инонациональные черты или модели в организации письма;
  - 2.2. отталкивание от моделей письма (автохтонных или заимствованных), утрачивающих привлекательность (в глазах части социума);
3. мотивы демократизации и либерализации письма vs мотивы аристократизации, архаизации, усложнения письма, усиления его элитарности;
4. для каждой группы социолингвистических признаков (названных в пунктах 1–3) важно соотношение общественно-политических сил в частях социума, различающихся между собой в оценках, ориентирах и идеалах по отношению к двуграфичности (позиция государственной власти, политических партий и движений; институций и авторитетов в сфере образования, церкви, СМИ и др.).

11. Поле типологических исследований стало шире и интересней

Новаторская монография Д. Бунчича, безусловно, достигает той цели, которую автор считает главной, — показать социально-психологическую нормальность и распространенность в мире ситуаций двуграфичности, раскрыть культурную и социолингвистическую значимость ее исследования.

Хочется отдельно подчеркнуть ценность специального труда Бунчича по организации группы исследователей для работы в рамках одной концепции письма и двуграфичности — концепции пусть и широкой, но все же со своими границами и стандартами. Можно представить, каких немалых усилий потребовала от инициатора проекта и триумвирата соредкторов книги координация исследований географически разрозненных участников проекта. Но это сделано. Благодаря объединенному труду исследователей в разных, подчас далеких друг от друга лингвистических цехах, создана впечатляющая по широте и насыщенности фактами панорама — от древнейших неалфавитных письменностей исчезнувших языков до тщательно документированных феноменов двуграфичности в повседневности наших дней. Книга Д. Бунчича показывает перспективы и актуальность исследования двуграфичности. Это новое направление в социолингвистике письма важно как для теории и истории письма, так и для понимания современных проблем сосуществования письменностей в условиях глобализации и информатизации общения.

съезде славистов (1998) [Мечковская 1998; ЕАДЕМ 2013]. Замечу, что понятие "реформа письма" по факту означает, что в течение некоторого времени имел место переход от одной системы письма к другой, т. е. в данное переходное время обе системы сосуществуют (что соответствует понятию двуграфичности).

Заинтересованно читая книгу Бунчича, я не могла удержаться от полемических суждений, разумеется, факультативных. Настоящая полемика, однако, — это не рецензия, а другая книга: пусть критик сделает больше и лучше. И пока нет новой книги “больше и лучше”, исследование Даниэля Бунчича в соединении с концентрированными результатами знатоков двуграфичности в культурах разных времен и народов, останется лучшим и непревзойденным. Возможно, обсуждаемую книгу о двуграфичности в скором времени превзойдет сам Бунчич.

Библиография

Анцыповіч 1998

Анцыповіч М., “Калянавуковая «капуста», альбо нядалы сімбіёз фізікі і лірыкі”, *Літаратура і мастацтва*, 15 мая 1998.

Виноградов 1965

Виноградов В. В., отв. ред., *Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)*, Москва, 1965.

Гельб 1963/1982

Гельб И. Д., *Опыт изучения письма (Основы грамматики)* [1963], Перев. с англ., под ред. и с предислов. И. М. Дьяконова, Москва, 1982.

ДИРИНГЕР 1948/1963

Дирингер Д., *Алфавит* [1948], Москва, 1963.

Иванов Вяч. Вс. 2013

Иванов Вяч. Вс., *От буквы и слога к иероглифу: Системы письма в пространстве и времени*, Москва, 2013.

Истрин 1965

Истрин В. А., *Возникновение и развитие письма*, Москва, 1965.

Кримський 1929

Кримський А. [Ю.], “Нарис історії українського правопису до 1927 року”, *Записки Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук*, 25, 1929, 175–186.

Кудрин 1998

Кудрин В., “Условие нашего исцеления”, *Москва*, 7, 1998, 220–221.

Лопатин 2006

Лопатин В. В., отв. ред., *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*, Москва, 2006.

Любецкий 1918

Любецкий П., “О белорусском литературном языке”, *Чырвоны шлях*, 7–8, 30 ноября 1918, 13.

Мечковская 1998

Мечковская Н. Б., *Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социо семиотические аспекты*, Минск, 1998 [репринт: *Беларуская мовазнаўчая славістыка на з’ездах славістаў: Да XV Міжнароднага з’езда славістаў*, Мінск, 2013, 376–406].

——— 2004/2008

Мечковская Н. Б., “О диагностирующей ценности орфографических перемен: из истории белорусского, украинского, польского и русского письма”, in: V. LENMANN, L. UDOLPH, Hrsg., *Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. Festschrift für Karl Gutschmidt*

- zum 65. Geburtstag*, München, 2004, 87–95 [репринт: Мячкоўская Н. Б., *Мовы і культура Беларусі. Нарысы*, Мінск, 2008, 143–151].
- ОГІЄНКО 1949/2004
ОГІЄНКО І. (МИТРОПОЛИТ ІЛАРІОН), *Історія української літературної мови* [Вінніпег, 1949], Упор., авт. перед. і комент. М. С. Тимошик, 2-ге вид., випр., Київ, 2004.
- ПАВЛЕНКО 1987
ПАВЛЕНКО Н. А., *История письма*, 2-е изд., Минск, 1987.
- ПАНОВ 1968
ПАНОВ М. В., отв. ред., *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры*, Москва, 1968.
- ПІВТОРАК 2000А
ПІВТОРАК Г. П., "Правопис", in: [УКРАЇНЬСЬКА МОВА 2000: 477–479].
——— 2000Б
ПІВТОРАК Г. П., "Реформи алфавіту і графіки", in: [УКРАЇНЬСЬКА МОВА 2000: 508–509].
- ПРАВИЛА 1956
Правила русской орфографии и пунктуации, Москва, 1956 [2-е изд.: 1962].
- РУДЕНКО 2015
РУДЕНКО Е. Н., "Ранние белорусские латинографические тексты как показатель контактной языковой зоны", in: *Языковой контакт. Сборник научных статей*, Минск, 2015, 140–149.
- СУД 1998
"Суд над белоруской мовой [Дискусия]", *Наша ніва*, 17 жніўня 1998.
- ТАРАНЕНКО 1995
ТАРАНЕНКО О. О., "Лінгвістичний і соціальний комплекс проблем навколо сучасного українського правопису", *Мовознавство*, 1, 1995, 3–8.
——— 1997
ТАРАНЕНКО О. О., ред.-упоряд., *Український правопис: так і ні: Обговорення нової редакції "Українського правопису"*, Київ, 1997.
- ТАРАШКЕВІЧ 1929/1991
ТАРАШКЕВІЧ Б. [А.], *Беларуская граматыка для школ*, вид 5-е, перараб. і пашыр., Вільня, 1929 [факсімільнае выданне: Мінск, 1991].
- УКРАЇНЬСЬКА МОВА 2000, ²2004, ³2007
РУСАНІВСЬКИЙ В. М., ТАРАНЕНКО О. О., отв. ред., *Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2000 [2-е изд.: 2004; 3-е изд.: 2007].
- УКРАЇНЬСЬКИЙ ПРАВОПИС 1996
Український правопис і наукова термінологія: історія, концепції та реалії сьогодення. Матеріали Мовознавчої комісії та Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1994–1995 рр., Львів, 1996.
- ФЕДОРОВА 2015
ФЕДОРОВА Л. Л., *История и теория письма*, 2-е изд., Москва, 2015.
- ФРИДРИХ 1966/1979
ФРИДРИХ И., *История письма* [1966], пер. с нем., вступ. ст. и комент. И. М. Дьяконова, Москва, 1979.
- ШЕВЕЛЬОВ 1998
ШЕВЕЛЬОВ Ю. [В.], *Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): Стан і статус*, Чернівці, 1998.

BUNČIĆ 2016

BUNČIĆ B., *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology*, ed. by D. BUNČIĆ, S. L. LIPPERT, A. RABUS with contributions by A. ANTIPOVA, C. BRANDT, E. KISLOVA, H. KLÖTER, A. VON LIEVEN, S. L. LIPPERT, H. PASCH, A. RABUS, J. SPITZMÜLLER, C. WETH, Heidelberg, 2016.

References

- Antsyrovich M., "Kalianavukovaia 'kapusta,' al'bo niadaly simbiez fiziki i liryki," *Litaratura i ma-statstva*, May 15, 1998.
- Bunčić B., *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology*, ed. by D. Bunčić, S. L. Lippert, A. Rabus with contributions by A. Antipova, C. Brandt, E. Kislova, H. Klöter, A. von Lieven, S. L. Lippert, H. Pasch, A. Rabus, J. Spitzmüller, C. Weth, Heidelberg, 2016.
- Diringer D., *The Alphabet*, transl. into Russian by L. S. Gorbovitskaya, I. A. Perelmuter, G. A. Zograf, Moscow, 1963.
- Fedorova L. L., *Istoriia i teoriia pis'ma*, 2nd ed., Moscow, 2015.
- Friedrich J., *Istoriia pis'ma*, Moscow, 1979.
- Gelb I. J., *A Study of Writing*, transl. into Russian by L. S. Gorbovitskaya, I. M. Dunaevskaya. Moscow, 1982.
- Istrin V. A., *Vozniknovenie i razvitie pis'ma*, Moscow, 1965.
- Ivanov Viach. Vs., *Ot bukvy i sloga k ieroglifu: Sistemy pis'ma v prostranstve i vremeni*, Moscow, 2013.
- Kryms'kyi A. Yu., "Narys istorii ukraïns'koho pravopysu do 1927 roku," *Zapysky Istorychno-filologichnoho viddilu Vseukraïns'koï akademii nauk*, 25, 1929, 175–186.
- Kudrin V., "Uslovie nashego istseleniia," *Moskva*, 7, 1998, 220–221.
- Liubetskiy P., "O belorusskom literaturnom iazyke," *Chyrvony shliakh*, 7–8, November 30, 1918, 13.
- Lopatin V. V., ed., *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik*, Moscow, 2006.
- Mechkovskaya N. B., *Tipologii grafiko-orfograficheskikh reform v istorii slavianskoi pis'mennosti: fonetiko-fonologicheskie i sotsiosemioticheskie aspekty*, Minsk, 1998.
- Mechkovskaya N. B., "O diagnostiruiushchei tsennosti orfograficheskikh peremen: iz istorii belorusskogo, ukraïnskogo, pol'skogo i russkogo pis'ma," in: V. Lehmann, L. Udolph, Hrsg., *Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. Festschrift für Karl Gutschmidt zum 65. Geburtstag*, München, 2004, 87–95
- Myachkoŭskaya N. B., *Movy i kul'tura Belarusi. Narysy*, Minsk, 2008.
- Ohiyenko I., *Istoriia ukraïns'koï literaturnoi movy*, M. S. Tymoshyk, ed., 2nd ed., Kiev, 2004.
- Panov M. V., ed., *Russkii iazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. Narodnye govory*, Moscow, 1968.
- Pavlenko N. A., *Istoriia pis'ma*, 2nd ed., Minsk, 1987.
- Pivtorak H. P., "Pravopys," in: V. M. Rusaniv's'ky, O. O. Taranenko, eds., *Ukraïns'ka mova. Entsiklopediia*, Kiev, 2000, 477–479.
- Pivtorak H. P., "Reformy alfavitu i hrafiky," in: V. M. Rusaniv's'ky, O. O. Taranenko, eds., *Ukraïns'ka mova. Entsiklopediia*, Kiev, 2000, 508–509.
- Rudenko E. N., "Rannie belorusskie latinografichnye teksty kak pokazatel' kontaktnoi iazykovoï zony," in: *Iazykovoï kontakt*, Minsk, 2015, 140–149.
- Sheveliov Yu. V., *Ukraïns'ka mova v pershii polovyni dvadtsiatoho stolittia (1900–1941): Stan i status*, Chernivtsi, 1998.
- Taranenko O. O., "Linhvistychnyi i sotsial'nyi kompleks problem navkolo suchasnoho ukraïns'koho pravopysu," *Movoznavstvo*, 1, 1995, 3–8.
- Taranenko O. O., *Ukraïns'kyi pravopys: tak i ni: Obhovorennia novoi redaktsii "Ukraïns'koho pravopysu"*, Kiev, 1997.
- Tarashkevich B. A., *Belaruskaja hramatyka dlia shkol*, 5th ed., Vilnius, 1929.
- Vinogradov V. V., ed., *Obzor predlozhenii po usovershenstvovaniuu russkoi orfografii (XVIII–XX vv.)*, Moscow, 1965.

проф. **Нина Борисовна Мечковская**, доктор филол. наук
Белорусский государственный университет, филологический факультет,
профессор кафедры теоретического и славянского языкознания
220030 Минск, ул. Карла Маркса, д. 31, каб. 52
Республика Беларусь / Republic of Belarus
nina.mechkovskaya@gmail.com

Received January 22, 2017